

Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени

В исследовании В. С. Иконникова «Максим Грек и его время» Нил Курлятев назван другом и преданным учеником Максима Грека¹, при этом сказано, что Нил был из рода князей Курлятевых и что по просьбе Нила Максим продиктовал для него перевод Псалтыри, к которому тот и написал предисловие². Нил Курлятев известен более всего именно как автор этого небольшого сочинения³, столь ясно отразившего идею самостоятельности русского языка среди других славянских языков.

Совместная работа Нила Курлятева и Максима Грека относится к последнему периоду жизни ученого грека. Они встретились в Троицкой лавре и стали друзьями, пишет об этом В. С. Иконников⁴ и затем дает анализ предисловия к Псалтыри. Мы также обратимся к предисловию, но с другой целью.

---

¹ См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 578.

² Сочинение Нила Курлятева издано в описаниях рукописных собраний. См.: П. Строев. Описание рукописей И. Н. Царского. М., 1848, стр. 323 и сл. (по рукописи ГИМ, Царск. 327); «Описание рукописей Соловецкого монастыря», ч. I. Казань, 1881, стр. 19 и сл. (по рукописи ГПБ, Сол. 753). Мы цитируем по рукописному сборнику ГПБ, Погод. 1143, 1602—1605 гг. (л. 1—1 об.).

³ Ср. в словаре Будовница: «Нил (Курлятев); XVI в., мон. авт. предисловия к переводу Псалтыри Максима Грека в 1552 г. и статеек, встречающихся в азбуковниках» (И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 180).

⁴ В. С. Иконников. Указ. соч., стр. 535.

По содержанию основные разделы сочинения Нила Курлятева таковы:

1) рассказ о переводе, по просьбе Нила, псалмов и о совместной работе Максима Грека и Нила Курлятева;

2) выяснение качеств, которыми должен обладать переводчик, и указание на полное соответствие этим требованиям Максима Грека;

3) критика старых переводов: а) обилие в них сербизмов и других инославянских слов, забвение особенностей русского языка; б) неверный перевод греческих слов;

4) определение достоинств перевода Псалтыри, выполненного Максимом Греком: хорошее знание и греческого и русского языков, прямой и точный перевод на русский без посредства других славянских языков.

Вторая и третья из этих тем — очевидная полемика с митрополитом Даниилом и другими обвинителями Максима Грека на церковных соборах 1525 и 1531 гг.

Рассмотрим каждый из этих разделов.

1. Максим Грек и Нил Курлятев работают над переводом Псалтыри. Об этом рассказано ярко, по живым впечатлениям: *А бил челом ему аз нищи черноризчишко Ниль Курлятевых, чтобы миѣ пожаловалъ сказалъ извѣстно и без украшенія разум псалмов Двдвых. И он пожаловал. Преже миѣ сказал и научил склад псал'мом по гречески, и аз познав склад и написалъ их по гречески. И к нему пришел в келю, и онѣ сталъ сказывати з'греческага перевода на наш язык. И аз писалъ в однѣх тетратѣх противу рѣчей рѣчи (л. 1). И так, в ответ на просьбу раскрыть смысл (разум) псалмов Максим Грек предложил заняться переводом их с греческого на русский — очевидно, считал, что при переводе яснее всего и обнаружится смысл слов и фраз. В другом месте своего сочинения Нил еще раз говорит о том же, но иными словами: И аз писалъ вся какъ стоитъ в'греческомъ разум и своимъ языкомъ вся ж по ряду прямо и без украшенія (л. 1). Переводя текст, Нил и Максим отмечали неточности прежних переводов: а по гречески рѣчи ѳав'масіа су, русски чудесная. И аз ему отвѣщаль, а у насъ стоитъ чудеса. И старецъ отвѣщаль да у нас, Ниле, прямо ѳав'масіа су, а по вашему чудесная, а по гречески ѳав'мата, по вашему чудеса (л. 1 об.)⁵.*

⁵ Греч. *θαυμασία σου* (*θαυμασία* мн. ср. р. от *θαύματος* 'чудесный') — субстантивированное употребление прилагательного и может

Отметим два обстоятельства. Во-первых, в тетрадах Нила возникал перевод каждого слова с греческого на русский — основа двуязычного словаря (Нил отмечает, что греческие и русские слова соотносились по смыслу: и аз писал вся как стоит в греческом разум и своим языком); такая работа уже сама по себе являлась словарной и побуждала к более сложным лексикографическим опытам. Во-вторых, при сопоставлении слов привлекались и прежние варианты перевода, а это, увеличивая число лексических соответствий, в свою очередь создавало основу словарного описания.

2. Курлятев, как было сказано, касается достоинств переводчика. Нил объясняет, почему возникают неясности в текстах, ссылаясь на Иоанна Златоуста: две же вины описаны неясвенна гланиа рещи хошем, что ради есть: *едино убо ес, яко от евреискіа бесѣды во ельлинскіи преложишася* (л. 1). Несходство языков и создает трудности в переводе: *егда же язык во инъ языкъ преложится, много имат неудобство явленіа, но ти едины вѣдят иже многим языком искусни сунт* (л. 1). Дальше Нил объясняет, почему к переводу Максима Грека отнесся с полным доверием: *А яз все прях без сомнѣнія добро и составно бга ради, занъ же сеи переводщик по златоустову писанію добрѣ вѣрен и приятен во всем и добрѣ вѣдалъ и довольно наш язык* (л. 1 об.). Успехи Максима Грека как переводчика в сочинении Нила подчеркнуты много раз. О Максиме он говорит не только с почтением — и пожаловаль, мнѣ сказаль все извѣстно (т. е. точно. — Л. К.) и потомук вся (л. 1), — но как бы отстаивая искусность его переводов, возражая тем, кто стремился принизить их ценность на церковных соборах: *И старецъ пожаловал, сказываль великим разумом, извѣстно, занъже жилъ здѣся у нас многа лѣта и позналъ наш языкъ довольно и извѣстно* (т. е. досконально. — Л. К.) (л. 1). По мнению Нила, Максим как переводчик обладает многими достоинствами: *И старецъ Максим родом грекъ, и наученъ филосоеи въ своем языкѣ, и второе по римски языкъ и грамотѣ умѣлъ вельми разумно* (л. 1.), т. е. Максим был весьма

быть переведено словом «чудеса» («чудеса твои»). Предлагаю переводить *θαυμάσια* 'чудесная', а *θαύματα* 'чудеса' (мн. от *θαύμα*, τὸ 'чудо'), М. Грек добивается буквального соответствия форм.

образованным человеком, поэтому можно верить его переводам.

3. Критика прежних переводов высказана в предисловии и от лица Максима — и многих рѣчей прежних переводчики по нашему не разумѣли (л. 1 об.) — и от автора предисловия. Если Максим причину плохих переводов видел в незнании греческого языка, то, по мнению Нила, она скорее состояла в недостаточном знакомстве с русским. Переводы непонятны русскому человеку, считает он, из-за обилия южнославянских слов. Такое мнение в XVI в. вполне объяснимо: язык древнеболгарских переводов (и позднейших среднеболгарских и сербских) во многих лексических и грамматических элементах был далек даже и от церковнославянского языка того времени. Состояние переводов выражено Нилом в словах: А прежнии переводѣцы нашего языка извѣстно не знали, и онѣ перевели ино гречески, ово словенски, и ино сербьски, и другаа болгарьски, и х же не удовлишася прѣложити на руски языкъ (л. 1).

Это место из предисловия Курлятева заслуживает внимания: сказанные слова принадлежат не Нилу, а взяты из заголовка старшего из известных нам славяно-русских словарей (дошел в списках XIV, XV вв. и более поздних). Словарь этот, составленный к тексту Лествицы Иоанна Синайского, во второй редакции XV в. стал называться: «Тлъкование неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ прѣводникъ ово словѣнски и ино сръбскы и другаа блъгарскы, их же не удоволишася, прѣложити на рускыи»⁶. Совпадение во второй части фразы (выделено разрядкой) буквально. Курлятев не остановился на этом высказывании, он развил и обосновал его. Критика «начальных» переводчиков в сочинении Курлятева сосредоточена на митрополите Киприане, который исправлял в XIV в. церковные книги, в том числе и Псалтырь⁷. А Киприан митрополит, — пишет он, — по гречески гораздно не разумѣль и нашего языка довольно не зналъ же (л. 1). Дальше сле-

⁶ См.: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, стр. 216—268, 421—431.

⁷ Киприан, митрополит киевский, родом серб, посвящен в Константинополе в 1376 г., московскую митрополию занял в 1390 г.

дует характеристика различий русского и сербского языков, в ней развиты взгляды представителей славяно-русского направления древней лексикографии. Основательность доводов подтверждает, насколько продвинулись за один век языковедческие воззрения. Эти успехи зависели, как видим, и от словарных работ. Итак, каковы же доводы Нила Курлятева? Аще и с нами един наш язык, сирѣчь словенски, да мы говорим по своему языку чисто и шумно ⁸, — пишет он, — а онѣ (т. е. сербы. — Л. К.) говорят молодежаво и в' писании рѣчи наши с ними не сходятся. И онѣ (митрополит Кириан. — Л. К.) мнилъ ся, что поправилъ псал'мов по нашему, а болши неразумие в них написалъ, в рѣчех и в' словах, все по сербьски написалъ (л. 1). Нил вступает в спор с теми, кто держится традиции старых переводов: И ннѣ многя у нас и в ся времена, книги пишут, а пишут от неразумна все по сербьски и говорити по писму, по нашему языку, прямо не умѣют и многя неразумныя смущаются (л. 1).

Вслед за этим Нил приводит звуковые и словарные несовпадения сравниваемых языков: Гдѣ надобет по нашему а, а по сербьски ѣ, или по нашему ю, а серб'ски ѡ; по нашему о, а сер'бьски ж; у нас ы, а сер'бски и. А речи: по нашему незамедли, а серб'ски или буде бол'гарски — незамуди, по нашему косно, медленно язычен или гугнивѣ, а серб'ски муд'но язычен и прочя рѣчи нам неразумны: бохма, васнь, рѣснотивие, цѣщи (так. — Л. К.): ашут и много таковых мы не разумѣем ино сербьски, а ино бол'гарски. И сѧ доселѣ не достанет лѣто на повѣствование (л. 1—1 об.) Называя славянские слова, непонятные русскому человеку, Нил снова берет их из древнего словаря к Лествице. Ср. статьи Толкования: васнь — мню прсно, цѣща — ради, бѣхма — весма, рѣснотивие — истинно, ашуть — туне, рекше даром ⁹. Оттуда же, очевидно, взят и оборот «ино сербьски, а ино бол'гарски» ¹⁰, потому что

⁸ Ср. у М. Грека: предложивши имѣ трапезу стго дха исполнену, сирѣчь отчетворное сказаніе бгодхновеннаго пѣснопѣнія Двѣд преведши ес от бесѣды еллинскія на бесѣду шумящаго вѣщанія рускаго. На полях: псалтир толкованную преводил Максим. — Из соч. «Словеса сѧ сотворилѣ творецѣ книги сея о себѣ в' темницы затворенѣ и скорби, ими же себе утѣшаше и утвержаше в терпеніи в' седми тысящи в М (40) лѣте» (7040—1532). Соч. М. Грека, ГПБ, Сол. 310 (495), л. 222 об.

⁹ Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 421—431.

¹⁰ Там же, стр. 421.

до этого речь шла только о сербском языке. Общий вывод о преимуществах перевода Максима Грека: *заньж отнюд нѣт рѣчей по серб'ски или болгарски, но все по нашему языку прямо з' греческаг языка и без украшена* (л. 1 об.).

4. В заключительной части сочинения Курлятева снова подчеркнуты достоинства перевода Максима. На этот раз сказано, что при переводе были учтены грамматические соответствия двух языков: что повелительно, или сказательно, или вопросительно, или будущее, или минувшее — все *старецъ* сказалъ *извѣстно* и исполнено на *наш язык* (л. 1 об.). Было также отмечено, что принята во внимание многозначность слов (для истории словарного дела это особенно важно): во *многих рѣчах*, что *вам мнится* *пременено*, то *он* *сказывал* *извѣстно* не *единъ разум рѣчем*, но *которыя рѣчи един разум вездѣ*, то *вездѣ едино*, а *иныя рѣчи двоеразумны* или на *три разумы говорят* *якож* по *нашему пишут* *произвол'ники*¹¹, *так* и *он* *сказывал* *разумы извѣстно* и *доволно язык наш* *зналъ* (л. 1 об.). Предвидя упреки по поводу изменения привычного текста псалмов (дважды повторена фраза: во *многих рѣчах* что *вам мнится* *пременено*. . .), Нил убеждает читателя в правильности этих поправок и предостерегает: и *отнюд никтож* не дер'зни, что в *них* поправить (л. 1 об.).

Итак, перевод Псалтыри, сделанный М. Греком в 1552 г., Нил Курлятев назвал русским, подчеркнув его отличия от сербского и болгарского. Язык Писания и других церковных книг этого периода — старославянский (он мог быть русского, сербского или болгарского извода)¹². Стоит задуматься, какой смысл вкладывали в термин «русский язык» в XV—XVI вв., когда говорили о языке Писания? Что подразумевали под словом «русский» и составитель Толкования к Лествице Иоанна Синайского и Нил Курля-

---

¹¹ Из слов Нила Курлятева как будто следует, что *произвол'ники* — это многозначные слова. Книжники XVI—XVII вв. понимали этот термин и в ином смысле, в более раннее время — «славянские варианты перевода иноязычного слова», в более позднее — «синонимы», «сходительные глаголы». См.: Л. С. К о в т у н. Указ. соч., стр. 286—310, стр. 271.

¹² В странах, заимствовавших старославянский язык из России, он назывался русским. Ср.: В. В. В и н о г р а д о в. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 49.

тев (ср.: «не удоволишася преложити на русский»)?¹³ Как известно, церковнославянский язык в то время играл ведущую роль. С конца XIV в. он содействовал объединительным тенденциям московских князей-собирателей. Диалектная раздробленность мешала строить единое государство. В силу этого церковнославянский язык закрепляется в литературе как «язык господствующего церковного мировоззрения и церковной образованности»¹⁴. Однако господство это «столь же неизбежно вступает в противоречие с основным содержанием исторического развития России в XV—XVII веках, с развитием национальных связей, национального сознания и русского национального языка»¹⁵. Какими путями сохранялось единство церковнославянского языка? Л. П. Якубинский пишет по этому поводу: «В то время не было никаких учреждений или организаций (вроде академий, университетов, ученых и литературных обществ), которые бы занимались вопросами развития письменного языка, его норм и орфографии. В известной мере их роль выполняли церковные власти с состоявшими при них «справщиками» — редакторами; но они занимались исключительно церковнославянским языком, бесконечными и бесплодными «исправлениями» церковно-богослужебных текстов»¹⁶.

Но так ли бесплодны были эти исправления Писания и других церковных книг? Разве не отражали и они, в свою очередь, процессов формирования русского литературного языка, по крайней мере процессов сложения одного из его стилистических вариантов, который в XVIII в. М. В. Ломоносов назовет «высоким штилем»?

Весьма красноречивы в этом отношении материалы по правке книги Псалтырь. Псалтырь — одна из наиболее читаемых книг древности, выдержками из нее насы-

---

¹³ В древних словарях и более раннего времени постоянно указывалось, что перевод сделан с чужого языка на русский. Ср.: «А се имена жидовская русьски тълкована» (словарь, известный в списке XIII в.). См.: Л. С. К о в т у н. Указ. соч., стр. 398.

¹⁴ Л. П. Я к у б и н с к и й. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII века). «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XV. Факт языка и лит-ры, вып. 4, 1956, стр. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 55.

щены сочинения не только таких писателей, как митрополит Илларион, Кирилл Туровский, Феодосий Печерский, Серапион Владимирский, но и сочинения светских авторов, например Поучение Владимира Мономаха или Моление Даниила Заточника.

Выяснению редакций славянского перевода Псалтыри посвящены серьезные исследования¹⁷, однако из-за неполноты материалов результаты их предварительны. Отмечается близость истории текста различных книг Писания¹⁸. Л. П. Жуковская верно определяет этапы и перспективы изысканий в этой области: «После выявления языковых фактов, характерных для каждого перевода, станет возможным исследование особенностей языка отдельных редакций. Дальнейшее изучение языка каждого перевода и каждой редакции позволит локализовать определенные языковые факты во времени и территориально. Это даст новый материал для истории славянских языков древнейшего периода»¹⁹.

Для нашей цели достаточно сравнить специфическую лексику двух первых редакций перевода Псалтыри. Одну из них называют юго-западнославянской (Вяч. Срезневский) или первоначальной (Ягич) и считают принадлежащей Кириллу и Мефодию. Вторая с толкованиями Феодорита Киррского, по мнению Погорелова и других ученых, возникла в Болгарии в эпоху царя Симеона.

Заметная черта первоначальной редакции — оставление непереведенными многих греческих слов, например: скадѣльъ, епископство, акротомъ, кротафома, она-

---

¹⁷ Вяч. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтыри по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1877; И. В. Ягич. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884; В. Погорелов. О редакциях славянского перевода Псалтыри. «Описание библиотеки Московской синодальной типографии». М., 1901, стр. I—XLIV.

¹⁸ См.: Г. А. Воскресенский. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879; Он же. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896; И. Е. Евсеев. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897, и др. О новейших исследованиях переводов Евангелия см.: Л. П. Жуковская. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия. «Славянское языкознание». Сб. статей под ред. В. В. Виноградова. М., 1959, стр. 86—96.

¹⁹ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 86.

гри, демони, варьи и т. п. Эти слова попадали в старинные словари и объяснялись в них (вари — домове, кротафы — пречсть, акротома — ребра²⁰). Другая, более существенная черта той же редакции — характерные для нее славянские слова, которые в более поздних редакциях были заменены другими. Вот примеры словарных отличий этой редакции: съньмъ (вм. съборъ), искрънии (вм. ближънии), ядро (вм. скоро), натрути (вм. напитати), отълѣкъ (вм. останѣкъ), отокъ (вм. островъ), рѣснота (вм. истина), ашуть (без ума), мудити (вм. медьлити), ино (вм. едино) и т. д.

Древняя лексикография реагировала на специфические черты древнеславянских переводов, хотя и не могла отразить лексические замены во всей их совокупности.

Обратимся ко второй редакции (с толкованиями Феодорита Киррского). Для нее характерно стремление перевести греческие слова, оставшиеся еще непереведенными: Αἰθιοπία ефиопия — мурьская земля; βαρέων вари — домовъ; εἰκὼν икона — образъ; ἱματισμός матизмъ — одежды; λιβάου ливаньскыя — дубравное; τριπανίστρια тумпаньницъ — бубньницъ; ὑπόστασις упостась — съставъ; χριστός Хсту — помазанному, ψαλτήριον псалтри — пѣсници и т. д. Среди этих слов и замены западнославянских переводов с греческого: олѣи (ἐλαιον) — масломъ деревянымъ; постъ (νήστεία) — алкание; скудель (δοτραχον) — глина чръная²¹.

В параллель и здесь можно привести статьи из старинных словарей: скудѣль — черепье (скудель — чер'пья), ипостась — съставъ²² и т. д. Ср. и заимствованные из толкований к Писанию объяснения символических значений слов: ливанъ — жертва бѣсомъ, ефиопия — смѣрение, псалтирь — умъ, тимпанъ — образъ — или гласъ²³ и т. д.²⁴

Другая черта редакции Псалтыри с толкованиями Феодорита — это замена одних славянских слов другими,

²⁰ См.: Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 403, 405, 416.

²¹ В. Погорелов. Указ. соч., стр. XIII—XIV.

²² См.: Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 398, 416, 425.

²³ Там же, стр. 402—406, 432.

²⁴ В случаях прямого перевода лексикограф и переводчик выполняли одинаковую задачу. Тем самым как будто устранялась нужда в словарях подобного рода. На самом деле при рукописной традиции она оставалась все той же, ведь надо было сохранить для читателя все списки Писания, даже самые старшие.

славянскими же. Например, ἀρχή, зачала — начятъка; ἀδολέσχω, глумляхся — въздыхааше; ἄνθραξ, углие — главня; βδελύσσομαι, мръзѣаху — хуляху; γίγας, исполинъ — штюдовинь; γραμματεὺς, кънижъника — кънигъчия; δια, за — дѣлма; ἔθνος, языкомъ — странамъ; εἰσερχομαι, вьниде — вьлѣзе; θυσία, жрътва — треба; κατάρρακτος, хлябѣи — затворъ; κληρονομέω, наслѣдити — причастити; κρείσσον, луче — уне; λαξευτήριον, оскръдомъ — чеканомъ; παῖς, отрока — раба; πεποικιλμένη, прѣкуштена — измъчътана; συνετῶς, разумно — съмыслно; ὑπερηφανία, гръдыни — прѣзоръ; φρυάσσομαι, шаташася — възгрѣдишася²⁵.

Причина замены одних славянских слов другими, по мнению Погорелова, как и многих других исследователей, может быть только одна: переводчик предполагал, что слова, встречающиеся в первоначальном переводе Псалтыри, непонятны читателям его времени или в той языковой среде, где делался перевод²⁶. Это обстоятельство явно переоценивается и при анализе древнеславянских переводов и при анализе причин создания древних русских словарей²⁷. Лексические замены в переводах Псалтыри обусловливались различными факторами: греческим переводом библии, с которого в данном случае переводили на славянский, наличием синонимических возможностей для передачи мысли²⁸, а также изменением среды, в которой бытовали списки, и, помимо всего, устареванием слов.

Специфическая лексика второй редакции находит прямые аналогии в языке писателей золотого века болгарской литературы — Иоанна экзарха (в его Шестодневе и переводе Богословия Иоанна Дамаскина), Константина пресвитера (в его переводе слов Афанасия Александрий-

²⁵ См.: В. Погорелов. Указ. соч., стр. XIV.

²⁶ См. там же, стр. XV.

²⁷ Л. П. Жуковская отмечает, что А. Х. Востоков и В. Добровский объясняли появление различий в словарном составе Евангелия тем, что переписчики древних памятников заменяли слова, непонятные народу, для которого они писали, словами понятными. Первым, кто связал лексические особенности древних памятников с особыми переводами, был О. Новицкий (Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 87).

²⁸ Можно ли, например, объяснить непонятностью слов включение в словарь «Рѣчь жидовскаго языка» таких славянских глосс: ковь — леть, тина — грязь, зѣло — велми? См.: Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 400.

ского и в Учительном евангелии), Черноризца Храбра (в статье «О писменех»). Таковы слова: альчѣба, благословестити, брѣдость, яригь (ζάκκος), послухъ, прѣзорь, треба, големыи, бричь (бритва), бѣхма, бѣшию (τέλειον), дѣльма, цѣща и др.²⁹ Ср. и типичные для этой группы памятников слова на *-ишь* (обозначение имен уменьшительных): птишь, копеличишь, таймичишь³⁰. Некоторые из них также попали в древнерусские словари, ср.: цѣща — ради; бѣхма — весма; таймичище, копеличище — иже не от законныя жены отроча³¹.

Итак, обе старшие редакции славянского перевода Псалтыри были по происхождению не русскими, к тому же они расходились в составе славянской лексики. Поэтому возникает вопрос: какие из слов, характерных для каждой из этих редакций, употреблялись в памятниках, известных русскому читателю? Вслед за этим встают два других: применяли ли русские книжники слова эти в своих сочинениях и в каких литературных контекстах они встречались?

Судя по «Материалам» И. И. Срезневского, для лексических вариантов двух старших редакций Псалтыри круг памятников, читаемых на Руси, был таков: зачало (Остр. ев., Юр. ев., Мин. 1097, Гр. Наз. XI в., Псков. I л.), начаткъ (Остр. ев., Панд. Ант. XI в., Нест. Бор. Гл., Ио. екз. Бог., Златостр., Новг. I л. и др.); углие (Изб. 1073 г., Сбор. 1076 г., Мин. 1096 г., Мин. 1097 г. и др.), главья (Иез. толк. Упыр., Гр. Наз. XI в.); исполинъ (Изб. 1073, объяснение на поле; штоудъ, Панд. Ант. XI в., Георг. Ам., Пов. вр. л., Гр. Наз. XIV в.: гиганты, исполины, щюды (τοὺς γίγαντας — двойной перевод) и др), щудъ (кроме библ. текстов, Изб. 1073, Гр. Наз. XI в., Панд. Ант. XII—XIII вв., Новг. крм. 1280, Ио. Мал. Хрон. и др.); књижьникъ (Остр. ев., Гр. Наз. XI в., Панд. Ант. XI в., Ил. Новг. поуч., Никиф. м. посл. Влад. Мон., Ип. л., Прол. XIII в., Сл. Дан. Зат. и др.); книгъчи, књигъчя (Остр. ев., Изб. 1073 г., Георг. Ам., Златостр. и др.); языкъ (Остр. ев., Пов. вр. л., Дог., Ол. 911, Обяз. гр. Свят. 971 г., Гр. Наз. XI в., Никиф. м. посл. Влад. Мон., Ип. л., Новг. I л., Лавр. л., Смол. гр., Георг. Ам. и др.); страна (Остр. ев., Ис. Упыр., Гр. Наз.

²⁹ См.: В. Погорелов. Указ. соч., стр. XXIII—XXIV.

³⁰ См. там же, стр. XXIV.

³¹ Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 423, 429.

XI в., Илар. Зак. Благ., Иак. Бор. Гл., Новг. I л., Псков. I л., Афан. Никит. и др.); за (δία) (Остр. ев., Пат. Син. XI в., Ефр. Крм., Кир. Тур., Златоостр., Ип. л., Стеф. Новг. п. 1347 г., Жит. Екат., Прохор. Жит. Ио. Богосл., Иак. Бор. Гл., Р. Прав. Влад. Мон., Пат. Печ., Сл. плк. Иг.); дѣльма (Изб. 1073 г., Панд. Ант. XI в., Гр. Наз. XI в., Пат. Син. XI в., Ефр. Крм., Ио. екз. Бог., Ипшол. Антихр. и др.); ради (ἐνεχα) (Пат. Син. XI в., Ио. екз. Бог., Остр. ев., Служ. Варл. XII в., Жит. Фекл. XI в., Лавр. л., Псков. I л., Грам. митр. Кипр. 1393 г. и др.); дѣльма (Изб. 1073, Ио. екз. Бог., Златоостр. XII в., Клим. Болг. поуч. в Сбор. Троиц. XII в., Пал. XIV в. и др.); вѣнити (Остр. ев., Изб. 1073, Ефр. Крм., Панд. Ант. XI в., Новг. I л., Илар. Зак. Благ.); вѣлѣзти (Остр. ев., Нест. Бор. Гл., Изб. 1073, Гр. Наз. XI в., Пов. вр. л., Ип. л.); животоъ (Остр. ев., Панд. Ант. XI в., Мин. 1097, Грам. 1130, Поуч. Влад. Мон., Новг. I л., Служ. Варл. XII в., Сл. плк. Игор., Псков I л., Дух. Новг. и Дв. XIV—XV вв. и др.); житіе (Гр. Наз. XI в., Панд. Ант. XI в., Ио. екз. Бог., Жал. гр. кн. Твер. 1365 г.); жрътва (Остр. ев., Гр. Наз., Панд. Ант. XI в., Дан. иг., Илар. Зак. Благ., Кир. Тур.); трѣба (Юр. ев. после 1119 г., Гр. Наз. XI в., Пов. вр. л., Нест. Бор. Гл., Ио. екз. Бог., Златоостр., Пал. XIV в., Ио. Мал. Хрон. и др.); луче (Панд. Ант. XI в., Сл. плк. Игор., Новг. I л., Сл. Дан. Зат., Сл. о Задон.); уне (поуч. Влад. Мон.); отрокъ (Иак. Бор. Гл., Грам. Хут. после 1192 г., Златоостр., Жит. Ал. ч. бож., Служ. Варл.); рабъ (Ис. Упыр., Изб. 1073, Пат. Син., Жит. Ал. ч. бож., Жит. Андр. Юр., Ефр. Сир., Дух. Ив. Кал. 1328 г., Рук. Клим. до 1270 г., Дух. Дм. Ив. 1389 г. и др.); разумно (Ирм. ок. 1250 г., Илар. Зак. Благ. в Сб. 1414 г.); съмысльно (Ефр. Крм.); гърдыни (Панд. Ант. XI в., Иак. Бор. Гл.); прѣзоръ (Ис. толк. Упыр. и др. из того же текста); шататися (Ирм. ок. 1250 г., Пчел. Публ. б., Александр.); възгърдитися (Пчел. Публ. б.)³².

Мы видим, что многие лексические варианты двух старших редакций Псалтыри, нерусских по происхождению, не только встречаются в распространенных на Руси памятниках старославянского языка, относимых к церковной книжности, но и в переводной литературе нецерков-

³² В этой сводке при указании на употребление каждой из лексических пар (зачало — начатъкъ, языкъ — страна, за — дѣльма, ради — дѣльма, животоъ — житіе и т. д.) учитывались значения.

ного содержания, в сочинениях самих русских писателей, даже в летописях и грамотах.

Вслед за ранними редакциями Псалтыри первоначальной и Феодорита Киррского идут две более поздние: русская (названная так Вяч. Срезневским, потому что известна в основном в русских списках) и исправленная, или новая, редакция. Первая из этих двух, как думает Погорелов, могла бы быть разделена еще на несколько редакций, поскольку замены лексические и грамматические, ее отличающие, не объединены общей идеей. Вторая — исправленная, или новая — более целостна. Принципы этой последней редакции — возвращение к старине и буквальное следование греческому образцу. Производивший правку стремился приблизить текст к первоначальной редакции. Во всех списках новой редакции много болгаризмов. Об этой редакции Псалтыри и говорит Нил Курлятев, так как именно ее связывают с именем митрополита Киприана. Полагая, что редакция эта лишь приписывается Киприану, Погорелов указывает на близость последнего к патриарху Евфимию Тырновскому. «Всего вероятнее думать, — пишет он, — что между прочими книгами, исправленными в Болгарии при Евфимии, Киприан принес на Русь и исправленный текст Псалтыри»³³, и вместе с тем отмечает, что в XIV—XV вв. и позднее этот тип псалтырного текста сделался каноническим.

История редакций славянского перевода Псалтыри показывает, что у Максима Грека и Нила Курлятева были известные основания к осуждению деятельности своих предшественников по переводу псалмов Давида. Предисловие Нила недвусмысленно раскрывает, в чем суть несогласий: И онъ мнилъ ся, — говорит Курлятев о Киприане, — что поправиль псалмов по нашему, а болши неразуміе в них написалъ, в рѣчех и в словах все по сербьски написал (л. 1 об.). В противовес ему Максим Грек, по мнению Нила, сделал такой перевод, где . . . *отнюд пѣтъ рѣчей по серб'ски или болгарски, по все по нашему языку прямо з' греческага языка и без украшеніа* (л. 1 об.).

Южнославянское влияние на Руси (XIV—XV вв.), как известно, в значительной мере соотносят с деятельностью митрополита Киприана и Пахомия Логофета. Отметив это обстоятельство, Л. П. Якубинский в какой-то

³³ В. Погорелов. Указ. соч., стр. XXXVI.

мере противопоставил их воздействию переводческие опыты М. Грека. «В Москве попытка несколько приблизить текст церковных книг к живой речи проявилась в одном переводческом предприятии начала XVI века, — пишет он. — В начале XVI века в Москве была переведена с греческого языка, под руководством специально приглашенного афонского монаха Максима Грека, Толковая Псалтырь. Максим Грек, не знавший еще тогда церковнославянского языка, переводил с греческого на латинский, а приставленные к нему русские посольские переводчики Дмитрий Герасимов и Власий — с латинского на церковнославянский. Переводя с латинского на церковнославянский, наши переводчики в ряде случаев заменяли традиционные церковнославянские слова и формы русскими и близкими к русским»³⁴. Однако дело не только в русских переводчиках. Псалтырь была дважды переведена Максимом Греком — в 1519 г. (по приезде в Московскую Русь) и через тридцать лет после этого, в 1552 г. Сравнение текстов обоих переводов показывает, что число русских слов и форм в последнем из них намного увеличилось. Ученые описатели собрания библиотеки Соловецкого монастыря И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, И. Ф. Красносельцев показали это в виде убедительных сопоставлений. По поводу одного из списков Псалтыри 1552 г.³⁵ они пишут, что текст псалмов и песней библейских в нем «имеет значительные различия сравнительно с общепринятым славянским текстом древним и нынешним». Различия эти произошли: 1) из-за замены некоторых славянских грамматических форм русскими и 2) из-за замены одних слов другими, такими, которые Максим считал или более понятными, или более близкими к подлиннику³⁶.

В качестве примеров первого рода приведены: пс. 2.9 *ихъ* вм. *я*, пс. 3.8 *всѣхъ враждующихъ* вм. *вся враждующая*,

---

³⁴ Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 13. — Ср. и у В. С. Иконникова: «При переводе Толковой Псалтыри Максим Грек в некоторых случаях отступал от бывшего тогда в употреблении славянского текста псалмов. Кроме того, в его переводе встречаются слова и обороты народной речи, которые, конечно, должны быть приписаны его помощникам» (В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 172).

³⁵ ГПБ, Сол. 862/752.

³⁶ «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», ч. I. Казань, 1881, стр. 13, 14.

свое и листъ его не отпадет и вся елика аще творит успѣть³⁹.

4. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах его ж возметаеѣт вѣтръ от лица земли.

5. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ни грѣшници в совѣтъ праведныхъ.

6. Яко свѣсть (γῆ γινώσκει) гдѣ путь праведных и путь нечестивых погибнет⁴⁰.

Все или почти все⁴¹ слова псалма входят даже и в современный русский литературный язык, а это само по себе говорит о многом.

Касаясь перевода Максима Грека, Л. П. Якубинский особо выделил роль его русских сотрудников.

Судьба одного из них, Дмитрия Герасимова, тесно связана с историей разбираемого здесь вопроса. Переводчик посольского двора, приставленный вместе с толмачом Власием к Максиму Греку, Герасимов спустя некоторое время после заточения Максима переселился в Новгород. Там он служил переводчиком у Новгородского архиепископа Макария и в 1535—1536 гг. перевел с латинского языка Толковую Псалтырь Брюнона.

---

³⁹ Отметим для сравнения разночтения пс. 1 в переводе М. Грека (Толковая Псалтырь по сп. ГПБ, Сол. 1040/1149) и в тексте Симоновской псалтыри до 1280 г., изданной Амфилохием: 1. совѣтъ — свѣтъ; нечестивыхъ — нечестивыхъ; сѣде — сѣдѣ; 2. по—иъ, поучится — поучиться; 3. и будет яко древо насаждено — и есть аки дрѣво сажено; при исходящихъ — въ прѣсиходищихъ; дасть — дасть; во время — въ время; не отпадет — не опадеть; и вся елика аще творит — и все елико творить; успѣть — поспѣться ему.

⁴⁰ 4. возметаеѣт — възмѣтаеѣтъ; 5. воскреснут — вскрснуть; в совѣтъ — въ свѣтъ; праведныхъ — правдныхъ; 6. свѣсть — свѣсть; праведныхъ — правдныхъ; погибнет — погыбнетъ («Древнеславянская Псалтырь Симоновская до 1280 г.», т. I. Изд. арх. Амфилохием. Изд. 2. М., 1880, стр. 3, 5). Существенныхъ отличий не так много. Регулярней всего проступаетъ изменение в написанияхъ слов.

Что касается двухъ переводовъ Псалтыри Максимомъ Грекомъ, то, какъ сказано, основная тенденция в нихъ остается неизменной и даже усиливается. Разночтения в томъ же пс. 1 в Псалтыри 1519 г. и в Псалтыри 1552 г. таковы: не ста — не сталь; насажденно — сажено; дасть — дасть; елика — елико; прах — персть; возметаеѣт — възмѣтаеѣтъ. Кроме этихъ замен, различие в глагольной формѣ («и вся елика аще творит» — «и вся елико аще сотворитъ» καὶ πάντα ἕα ἔν ποιῆ) и введении во второмъ переводе уточняющихъ частицъ (но — но точю, яко — яко же, ни — ниже, см. ГПБ, Сол. 1040/1149, л. 15, 20, 22, 23 об. и ГПБ, Сол. 862/752, л. 18, 18 об.).

⁴¹ Кроме *исходище* и *свѣдѣти*.

пс. 5.6 *всѣхъ дѣлающихъ* вм. *вся творящая, всѣхъ глаголющихъ* вм. *вся глаголющая*, пс. 17.40 *всѣхъ встающихъ* вм. *вся встающая*, пс. 6.10 *услышалъ* вм. *услыша*, пс. 7.7 *заповѣдалъ* вм. *заповѣда*, пс. 17.21 *рукъ моихъ* **вм.** *руку мою*, пс. 17.39 *подъ ноги мои* вм. *под ногами моима*, пс. 17.44 *поработаша мнѣ* вм. *поработаша ми* и *мн.* др.³⁷ Такие особенности встречаются и в первом переводе Максима Грека, но в количестве меньшем³⁸.

Из предисловия Нила Курлятева к Псалтыри 1552 г. видно, что русизмы в переводах Максима Грека не случайны, что Максим был убежден в необходимости прямого перевода с греческого на русский без посредства других славянских языков. Этих же взглядов придерживались и его последователи.

Несомненно, что при оценке текста как русского или нерусского Максим Грек и Нил Курлятев имели в виду не происхождение слов и форм, а принятость их у русских. Связано с этим и стремление выражать даже и возвышенные мысли Псалтыри понятней и проще («прямо и без украшения», говоря словами Курлятева). Надо сказать, что совпадения в старославянском и древнерусском языках давали Максиму Греку еще больший повод назвать свой перевод русским, чем все те частные замены, которые он вносил в перевод библейской книги и которые столь остро воспринимались современниками.

Приведем пс. 1 по тексту Толковой Псалтыри в переводе Максима Грека (ркп. ГПБ, Сол. 1040/1149, л. 15, 20, 22, 23 об.)

1. Блженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалици губитель (*ἐπι καθεδρᾶν λοιμῶν*) не сѣде.

2. Но в законѣ гни воля его и в законѣ его поучится (*μελετήσει*) днь и ноць.

3. И буде яко древо насаждено при исходящихъ водъ (*παρὰ τὰς ἐξόδους τῶν ὕδατων*), еже плодъ свои дастъ во время

³⁷ См.: «Описание рукописей Соловецкого монастыря. . .», стр. 14. — Сделано существенное примечание: «Впрочем, подобные изменения произведены не везде. Часто в одном и том же псалме некоторые слова встречаются и в измененном и в неизменном виде» (там же).

³⁸ См.: «Описание рукописей Соловецкого монастыря. . .», стр. 14—15. Примеры из Толковой Псалтыри в «Описании» даны по списку ГПБ, Сол. 1040/1149, примеры из Псалтыри в переводе 1552 г. по списку ГПБ, Сол. 862/752.

В послесловии к переводу ⁴² Дмитрий пишет, что «при державе» царя Ивана Васильевича повелением архиепископа Макария «преложена бысть сіа Псалтырь с толкованіи нѣкоими древнихъ толковниковъ или учителей и преводниковъ отъ римского писаніа и рѣчи на русское писаніе и на русскую рѣчь» (ГПБ, Сол. 133/1039, л. 771). Герасимов считает свой перевод русским. Перед нами, следовательно, единомышленник Максима Грека и Нила Курлятева.

Послесловие Дмитрия Герасимова к Псалтыри Брюнона и предисловие Нила Курлятева к Псалтыри в переводе Максима Грека, написанное на двадцать лет позднее, по всей видимости, определенным образом связаны ⁴³. У Курлятева повторена, но расширена цитата из Иоанна Златоуста. В послесловии Герасимова она дана в более кратком виде: «Паче же всѣх сил свидѣтельствующу великому свѣтил'нику вселенскому и учителю Ивану Златоустому и гну Никите архіепископу иракліискому ⁴⁴ в нѣкоемъ предсловіи псалтырнемъ сице гля: велие бо неудобство имать, егда бжественное писаніе от языка въ инъ языкъ прелагается, и вѣдять сіе многоученніи и иже многимъ языкомъ искусни суть, воистину бо бжественнаго писаніа высота и глубина неизмѣримы суть. . .» (л. 771 об. и сл.). Но если у Герасимова это повод для того, чтобы сказать о своей неучености («азъ же аще и грубъ есмь и невѣжа словомъ»), то у Курлятева — предлог, чтобы прославить образованность Максима. Вслед за цитатой из Златоуста он перечисляет языки, которые знал Максим Грек, а в конце предисловия еще раз говорит о нем: зань же сеи переводщикъ по златоустову писанію добрѣвѣрен и пріятен во всем (ГПБ, Погод. 1143, л. 1 об.).

Хотя Герасимов, как это было принято в то время, уничижительно называет себя невежей ⁴⁵, труд его и послесло-

---

⁴² Полностью напечатано в «Описании рукописей Соловецкого монастыря. . .», стр. 150 и сл.

⁴³ В некоторых рукописях сочинение Нила Курлятева дано тоже в качестве послесловия к Псалтыри, например, в ркп. ГПБ, Сол. 863/753, XVI в., л. 299—305 об.

⁴⁴ Слова «и гну Никите архіепископу иракліискому» приписаны на поле рукописи.

⁴⁵ В этих словах, видимо, скрыто и желание охранить себя от опасных упреков в искажении текста Писания как отзвук недавней расправы над Максимом Греком.

вие говорят иное ⁴⁶. Мастерски владея пером, Дмитрий Герасимов просто и живо выражает мысль об относительности человеческих познаний: И нѣсть се дивно, еже отчасти мало что вѣдыи, дерзнул послушаніа для, всякіи бо хитрець своея хитрости имяна отчасти вѣсть, а никто ж похвалится съвер'шен'но вся вѣдати. Аще ли кто похвалится вся вѣдати, сіи л'жетъ и истины в немъ нѣсть и всуе хвалит'ся» (л. 771 об.). Затем он высказывает свое уважение к труду, как бы любуясь многогранностью его проявлений: «Яко же убо книжницы книжная вѣдятъ, по елику кому бѣ подаруетъ, воины воинская, в кораблех плавающии морская и пристоящих дѣль кораблевых имена вѣдятъ, полетяжатели земледѣлательная, тек'тоны и ковачи и шев'цы и прочіи ремесвеницы, яко сукнокрасилники и прочіе поставы дѣлающеи, оксамитники, бархатники, камочники и прочіи златыя и сребренныя и шолковыя поставы дѣлающеи, коиждо вѣдятъ своихъ хитрости имяна, и основаніемъ и краскамъ раз'твореніа и мѣрамъ упряженіа, зане всякую вѣщь мѣра красить, кромѣ ж мѣры мнящаяся добра быти на вредъ претворяють» (л. 771 об.). Таким образом, в заключение назван и признак подлинного мастерства: всякую вѣщь мѣра красить.

Все это рассуждение в послесловии Герасимова предваряет упомянутую цитату из Златоуста, где дано объяснение, в чем трудность перевода Псалтыри, а затем сделан вывод: «воистину бо бжественаго писаніа высота и глубина неизмѣримы сун и никои хитрости от вышереченных хитростей подобни суть тои» (л. 771 об.). Едва ли можно сомневаться в даровании и опытности автора, а также в демократичности его литературных вкусов.

Взявшись переводить Псалтырь «отъ римскаго писаніа и рѣчи на русское писаніе и на русскую рѣчь», Герасимов руководствовался убеждением, что русский язык вполне способен выразить высокие идеи книги. И Герасимов и Курлятев сознавали: для того чтобы перевод оказался точным, надо в совершенстве знать оба языка. Эту мысль постоянно повторял и Максим Грек.

---

⁴⁶ Дмитрий Герасимов принадлежал к числу весьма образованных людей своего времени. Он был переводчиком с латинского и немецкого (до сотрудничества с Максимом Греком выполняя поручения новгородского архиепископа Геннадия), посланником при дворах шведском, датском, прусском, венском и римском, знал отчасти и греческий язык и итальянский.

Каков язык перевода Дмитрия, названный им русским писанием и русской речью? Псалмы мало чем отличаются от тех, которые мы видим в Толковой Псалтыри Максима Грека ⁴⁷. Что касается толкований, то в них нет поэтической приподнятости псалмов, но славянизмы присутствуют там и здесь. Обратимся к толкованию сочетания слов «блаженъ мужь», с которого начинается первый псалом. Кассиодор: блженъ мужь наречеса, аки добръ блгоугоденъ, иже естъ Хс, ему ж блгоугодная вся или желаемая послѣдуют (л. 18 об). Августин: блжнъ убо, иже не отиде помышленіем' от бга въ страну далече неподобства, сирѣч помышлением не съгрѣши (л. 18 об.). Иероним: блженъ, иже не помысли, ни сътвори, ни научи злая (л. 19).

Л. П. Якубинский, упоминая о языке Повести о новгородском белом клобуке, составление которой или во всяком случае редактирование приписывается Дмитрию Герасимову, называет этот язык церковнославянским. Слог повести, по его мнению, отличается художественностью и выразительностью и более прост, чем в сочинениях, созданных по южнославянским образцам ⁴⁸. Но сам Герасимов, как мы видели, считает, что даже и псалтырные толкования преложены им не на славянский язык, а «русской речью».

Отличие языка церковных книг от слов и выражений русского обиходного языка хорошо осознавалось в XVI в. Об этом можно судить, в частности, по сочинениям Зиновия Отенского, который не хотел «уподобляти и низводити книжныя речи от общих народных речей». Более прилично, по его мнению, «от книжных речей и общия народные речи исправляти, а не книжные народными обезчещати» ⁴⁹.

Обычно отмечают противостояние церковнославянского языка и русского языка в целом, но это противостояние сочеталось, как известно, с процессами их взаимодействия

---

⁴⁷ Разночтения в 1 пс.: 1. совѣтъ — съвѣт, губитель — губительства; 2. в законѣ его — в' законѣ; 3. насажденно — насажденное ес, дать — дасть, во время — въ время, елика — елико, творит — сотворить; 4. нечестивіи — нечьтивіи, возметае — възмѣтае; 5. воскреснут — въскреснут, на суд — на судѣ, грѣшницы — грѣшници, в совѣтъ — в' соборѣ; 6. свѣсть — вѣсть, погибнет — погыбнет (ГПБ, Сол. 1040/1149, л. 15, 20, 22—22 об., 23 об.; ГПБ, Сол. 133/1039, л. 19—20, 21).

⁴⁸ Л. П. Я к у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 10.

⁴⁹ «Истины показание к вопросившим о новом учении». Сочинение инока Зиновия Отенского. Казань, 1863, стр. 966 и сл.

и слияния, поэтому о развитии русского литературного языка в XV—XVI вв. мы можем судить не только по текстам таких сочинений, как «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина или «Домострой», но и по текстам церковной литературы. Расширение источниковедческой базы для исследований в области истории русского литературного языка в этом направлении необходимо. Прав был В. В. Виноградов, когда писал, что народный язык восточных и южных славян «вовлек старославянский язык в свою орбиту, пропизал его лексический состав и грамматический строй живыми народными элементами и в конечном счете воспользовался им как частью материала при выработке своего собственного литературного языка определенной эпохи»⁵⁰.

В сопоставлениях церковнославянского и русского языков чаще всего учитывают особенности того и другого (в звуковом составе, в формах, в строе, в словах). Представляется во много раз более важным сделать объектом внимания то, что их объединяло. Очевидно, что совпадающие элементы этих родственных языков не только в русских памятниках, но и в языке церковных книг воспринимались на Руси как свои, русские слова, обороты, звучания. Они оказывались в сознании русских людей в одном ряду с русизмами, а не с церковнославянизмами. Ощущались как русские и те из славянизмов (по происхождению), которые уже были вполне освоены. Все это в совокупности содействовало свободному и широкому вовлечению славянизмов в русский литературный язык в процессе выработки его стиливых разновидностей.

Подчеркивая значение огромного лексического слоя, состоящего из слов, общих русскому и церковнославянскому языкам, Б. О. Унбегаун считает неизбежным признание их «по существу церковнославянскими, но также и русскими» (Доклад на VI Международном съезде славистов, август 1968 г.). Полагаем невозможным забвение при этом такого фактора, как сознание пишущего на данном языке народа. Осознание общих слов русскими, а не чужими, инославянскими, не могло не сказаться на словоупотреблении, на лексической и фразеологической сочетаемости, на образной соотнесенности слов и т. д.

---

⁵⁰ В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 39.

Анализ предисловия Нила Курлятева к Псалтыри в переводе Максима Грека, а также послесловия Дмитрия Герасимова к его собственному переводу Псалтыри Брюнона наталкивает и еще на один вывод: русским писателям XVI в. было присуще ощущение высокого стиля (как стиля русского литературного языка) и сознание необходимости отбора отвечающих ему речевых средств. Но если так, то вряд ли заслуживает признания мысль, что отсутствие в XV—XVI вв. переводов церковных книг на русский язык обиходного типа означало задержку в развитии русского литературного языка⁵¹. Примеры иного развития двух восточнославянских языков — русского и украинского⁵² — могут означать лишь, что у каждого литературного языка, даже и ближайше родственного, своя судьба, органически вытекающая из всех предшествующих этапов его истории.

---

⁵¹ Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 6, 12.

⁵² Якубинский ссылается на Литово-русское княжество, где такие переводы были осуществлены уже в XV в., и приводит в пример перевод Евангелия, изданного печатным способом Василием Тяпинским (XVI в.), где параллельно с переводом дан и церковнославянский текст:

Прииде враг его и всея плевелы
посреде пшеница и отиде. Егда
же прозябе трава и плод сотвори
тогда явишася и плевелы.

Пришел ворог его и всеял ку-
коль посеред пшеницы и оты-
шел. Гды пак выникла трава
и оwoц чинила тогды явился и
куколь.